

УДК 811.161.1'373.611

И. О. Ковалевич

Кандидат филологических наук, доцент, первый проректор, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕЧИ ДЕТЕЙ

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей выражения детьми гендерных отношений посредством окказионального словотворчества. Образование окказиональных коррелятов со значением маскулинности / феминности рассматривается как частное проявление тенденции к выражению семантической парности по полярному признаку. Выявлены структурно-семантические и стилистические характеристики гендерно маркированных окказиональных субстантивов. Исследованы психолингвистические механизмы их производства.

Ключевые слова: детская речь, окказионализм, окказиональное словотворчество, гендерная маркированность, гендерная роль, феминность, маскулинность.

Введение

Окказиональное словотворчество выступает в качестве яркой особенности детской речи и характеризует речевое развитие детей, начиная с двухлетнего возраста. Исследованию разных аспектов данного речевого явления посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных учёных (М. Chmura-Klekotowa, E. V. Clark, E. Konieczna, A. H. Гвоздев, Н. И. Лепская, Т. Н. Ушакова, В. К. Харченко, С. Н. Цейтлин, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и т. д.). Этот научный интерес объясняется тем, что изучение лингвокреативной деятельности человека позволяет заглянуть в его сознание, проследить мыслительный процесс, выявить некоторые особенности мировидения и мировосприятия.

Наличие в речи детей дошкольного возраста гендерно маркированных окказионализмов свидетельствует о раннем усвоении ими мужских и женских социальных ролей. Формирование гендерной идентичности и усвоение гендерных отношений на основе половой типизации представляют один из аспектов ранней социализации ребёнка. Как утверждают исследователи, половая принадлежность является первой категорией, в рамках которой происходит осмысление ребёнком своего «Я», что уже наблюдается к двухлетнему возрасту и о чём также свидетельствуют первые гендерно маркированные окказионализмы [1, с. 8]. По мнению учёных, половая типизация на основе выделенных атрибутов становится необратимой в первые три года жизни ребёнка [2, с. 37].

Категории феминности и маскулинности усваиваются детьми в противопоставлении, что приводит к созданию коррелятивных пар. В целом следует отметить, что одной из движущих сил окказионального словотворчества выступает тенденция к парности по полярному признаку, и гендерные оппозиции являются одним из частных проявлений данной тенденции [3].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении специфики выражения детьми гендерных отношений в окказиональном словотворчестве на основании комплексного анализа гендерно маркированных окказиональных дериватов.

Методы и методология исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет идея антропоцентричности языка, заключающаяся в направленности современной лингвистики на изучение «человека в языке и языка в человеке» (Н. Д. Арутюнова, Т. М. Дридзе, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Б. А. Серебренников, Ю. А. Сорокин и др.). Проблема освоения языка и речевого развития детей полностью вписывается в указанную научную парадигму, поскольку данный процесс носит деятельностный характер, о чём свидетельствует окказиональное словотворчество детей (А. А. Залевская, А. В. Запорожец, Т. Н. Ушакова, А. М. Шахнарович, Н. Х. Швачкин, Д. Б. Эльконин, Н. М. Юрьева и др.).

Использовались следующие методы: морфемный и словообразовательный анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ, сравнительно-сопоставительный метод. Материалом для исследования послужили окказиональные слова из речи детей дошкольного и школьного возраста (от 2 до 12 лет), отобранные в ходе личного общения с детьми, их родителями, педагогами, а также

из интернет-ресурсов, посвящённых вопросам речевого развития детей и особенностям их воспитания в целом (<https://deti.mail.ru> и др.), словарей детской речи В. К. Харченко, С. Н. Цейтлин, электронного корпуса детских высказываний (<http://det.org.ru>). Объем фактического материала по теме исследования составляет 153 лексические единицы.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведённого исследования установлено, что окказиональные новообразования, характеризующиеся гендерной маркированностью, появляются в речи детей одними из первых, и данная тенденция продолжается и в дальнейшем, выступая в качестве яркой особенности детского словотворчества. Рассмотрим каждую группу новообразований в отдельности.

Детские феминитивы характеризуются структурным разнообразием и образуются как по существующим в языковом узусе словообразовательным типам, так и по уникальным окказиональным моделям, не имеющим аналогов в языковой системе. Важно отметить, что производящая база словообразовательных типов значительно расширяется за счёт включения таких категорий слов, как неодушевлённые субстантивы, имена собственные.

Одну из многочисленных групп формируют окказиональные новообразования со значением женскости, образованные посредством форманта *-их(а)* (20 лексических единиц). В их числе феминитивы, мотивированные основами агентивов со значением характеристики лица по его социальной, расовой, профессиональной и иной отнесённости: *Ты будешь негретиха/ а я негретёнок*// (3 г., 11 м.) [4, с. 314]; *Мама/ господиха*// (4 г., 1 м.) [4, с. 108]; *Я тебе шутку сделаю/ Я шутиха такая*// (5 л., 6 м.) [4, с. 613]; *Ты со Стасюшей будешь ходить на танцы/ Ты будешь партнёром Стаса*// – *Мама/ я же не мальчик! Какой я партнер! Я партниха*// (5 л., 7 м.) [4, с. 359]; *Смотри/ какая смешная клоуниха*! (6 л.). При этом зафиксирован случай производства окказионального феминитива от основы имени собственного, называющего литературного героя: *Он Гулливер/ она Гулливерица/ Гулливериха*// (6 л.) [4, с. 112].

Посредством форманта *-их(а)* создаются также окказиональные наименования животных и сказочных существ: *Это кто? – Петух! – А это?.. Это его петучиха и петучата*! (3 г., 5 м.); *Жена кота/ котиха*// *А это их котёнок*// (4 г., 6 м.); *Тут дерево/ тут море/ а тут чертиха*// *Как перебраться на другую сторону?* (5 л., 6 м.) [4, с. 598]; *Что-то слишком много беременных комарих понаехало в этом году сюда отдохнуть*! (6 л.); *Папа/ ты гусь/ Мама/ а ты гусиха*// (7 л.); *Есть птица тетер? Ну/ тетерев? А как маму называть? Тетериха?* (11 л., 1 м.) [4, с. 536]; *Жил-был Колобок и его мама Колобиха*// (?) и др. В ряде случаев аффиксация сопровождается усечением мотивирующей основы: *господин – господиха*, *тетерев – тетериха*, *Колобок – Колобиха*. Зафиксирован случай образования ребёнком-дошкольником ряда однотипных дериватов с указанным суффиксом, что говорит о важной роли механизма аналогии в сфере окказиональной деривации: *Смотрите/ какой котик! А рядом его котиха! А к ним в гости пришли пёсик со своей пёсихой*! (4 г., 6 м.).

Окказионализмы *петучиха* и *пёсиха* создаются с явным нарушением логико-предметных связей. Лексические значения слов *петух* и *пёс* основываются именно на семантическом признаке *самец*, который выступает в качестве основного (ср.: *пёс – собака*, особенно – крупная и сильная, *самец*; *петух – самец* курицы, с мясистым красным гребнем на голове, со шпорами на ногах, имеющий способность время от времени производить однообразные короткие выкрики, отдалённо похожие на пение) [5, с. 25, с. 27]. Таким образом, гендерная маркированность уже содержится в семантике производящих основ. Сочетание данных основ с формантом *-их(а)* приводит к столкновению двух противоположных сем – *самец* и *самка* – и, как результат, к внутреннему противоречию, подобно тому, что наблюдается при создании оксюморона.

В качестве мотивирующей основы могут выступать также и основы неодушевлённых субстантивов: *Папа/ нож/ мама/ ножиха* и *маленький ножонок*// (4 г., 3 м.). Как видно из представленного примера, за каждым ножом закрепляется определённая социальная роль в рамках ситуации «семья». Ещё один пример: *Мама/ а давай ты будешь самолётиха/ а я твой самолётёнок*// (4 г., 7 м.) [6, с. 144]. Аффиксация выступает в качестве дополнительного средства олицетворения неживых объектов, а сами окказионализмы функционируют в качестве тропов.

Соотносимым по степени продуктивности с предыдущим формантом выступает суффикс *-иц(а)* (18 лексических единиц). Новообразования на *-иц(а)* выступают, как правило, в качестве наименований самок животных: *Раз у мамы-овечки дети ягнята/ значит/ она ягница*// (3 г.); *Папа/ петух/ а мама/ петухица*// (3 г.) [4, с. 368]; *Папа/ медведь/ Андрюша/ мишутка/ мама/ мишица*// (3 г.); *Смотри/ там и папа-носорог/ и сыночек-носорог/ и мама-носорожица*// (4 г.); *Папа/ конь/ мама/ жеребица/ а дети/ маленькие коньки*// (5 л.); *Давай / я буду конь/ а ты коница*// (5 л., 3 м.); *Это девочка/ значит/ она коница*// (6 л.) (о лошади); *Эта тётя похожа на бегемотицу*// (7 л.); *Вот*

вырастет ёжик и будет жениться на **ёжице**// (?) и др. Также отмечен случай производства ряда однотипных дериватов с указанным формантом: *Давай поиграем/ я буду твой сыночек-бычонок/ а ты моя мама-бычица/ я твой котёнок/ а ты **котица**/ я козлёнок/ ты **козлица***// (3 г.). Необходимо отметить, что некоторые дериваты со значением женскости мотивируются основами субстантивов со значением детёныша животного либо характеризующиеся деминутивной семантикой (ср.: *ягнёнок – ягница, мишутка – мишица*).

Производство окказиональных агентивов с формантом *-иц(а)* характеризует речь детей старшего дошкольного и школьного возраста, хотя единичные новообразования могут создаваться и младшими дошкольниками: *Не заплетайте мне три косички/ а то как **негрица** буду*// (6 л., 8 м.) [4, с. 314]; *Сегодня в столовой я торговался с **поварицей***// (10 л., 10 м.). Также сохраняется тенденция к образованию феминитивов, мотивированных именами собственными, в том числе и наименованиями сказочных персонажей: *Смотри/ у папы Мойдодыра появилась мама **Мойдодырица***// (3 г., 6 м.); *Или/ может/ хочешь с Петром сфотографироваться? – Нет/ не хочу/ он очень большой/ а вот с **Петрицей** я бы сфотографировалась*// (5 л.), а также *Гулливерница* (6 л.).

Формант *-к(а)/-ичк(а)* как средство гендерной маркированности окказиональных субстантивов также демонстрирует достаточно высокую продуктивность и употребляется для производства новообразований, соотносимых с разными понятийными категориями (16 дериватов):

–агентивы со значением профессиональной отнесённости: *Мама/ а я сегодня троллейбусную **шофёрку** видел*// (4 г., 2 м.) (о водителе-женщине); *Мам/ а кто такой **педиатр**? – Врач/ который лечит деток// – А если врач/ это тётя/ то она **педиаторка**?* (5 л., 8 м.); *Показывали кино/ как у тётки **водолазки** не хватило воздуха*// (6 л., 4 м.) [4, с. 70]; *То ты была **филоска**/ а теперь рефератор*// (5 л., 4 м.) (о матери, которая сдала кандидатский минимум по философии и готовящей реферат) [4, с. 574]; а также *капитанка* (3 г., 10 м.) [6, с. 60]; *парикмахерка* (4 г.) [4, с. 358], *пилотка* (4 г.) (о женщине-пилоте), *актёрка* (5 л., 4 м.), *президентка* (9 л.) и др.;

–агентивы, выражающие характеристику по расовому, умственному и другим признакам: *Он/ негр/ она/ **негорка***// (3 г.); *Какая-то крутая у бабушки работа// Там есть не директор/ а какой-то шеф// А если женщина/ то как/ **шефичка**?* (6 л., 7 м.) [4, с. 607]; *Ксюша такая **вундеркиндка**! Она решила задачу со звездочкой*// (8 л.); *Я сегодня такая **трудоголичка***// (12 л.) и др.;

–зоонимы: *Сколько баранов// – Ну/ там не только бараны// – А/ да// Там еще их жёны// **Баранки***// (5 л., 9 м.); *Дядя-козёл нашёл тётю-козёлку*// (?); *Ульяш/ будешь мультик про обезьянку и слоника смотреть? – Да// Там ещё бабушка **удавка** есть!* (?).

Выявлены факты производства гендерно маркированного окказионализма с формантом *-к(а)* от основы неодоушевлённого существительного. При этом контекстом новой лексической единицы выступает сказочный нарратив, в котором проигрываются семейные отношения: *Жил-был табурет/ и была у него жена **табуретка**// А Рядом жил стул/ и была у него жена **стулка***// (?). И опять мы можем проследить действие механизма аналогии: *табурет – табуретка, стул – стулка*.

К менее продуктивным формантам для производства окказиональных дериватов с модификационным значением женскости относятся суффиксы:

-ниц(а): *Я герой/ ты **героиница***// (3 г.) [6, с. 36]; *Папа/ мой друг/ а мама/ **друженица***// (5 л., 8 м.); *Сейчас дворница придёт/ будет все ненужные детали убирать*// (5 л., 11 м.) [4, с. 118]; а также *морячица* (6 л.), *рыбачница* (12 л.) и др.;

-и(а): *Тим/ мама у тебя молодец// – Да/ мама/ просто **героиница***// (10 л.); *У нас на даче этих Гвидонов/ точнее **Гвидон***// (11 л.) (в качестве ответной реакции на прочитанный фрагмент из детской речи «Папа/ не убивай комара/ вдруг это князь Гвидон летит»);

-есс(а): *У тебя волосы/ как у барашка// – Если я барашек/ ты баран// – Логично// А мама кто? – **Баранесса***// (6 л.); *Дочь Шрека зовут **Шресса***// (?);

-ин(я): *Бульдогиня так на Мартина рыкнула*// (6 л.) [6, с. 22]; *Чем бабушка занимается? – Да она там на коврике зарядку делает// Бабушка у нас **йога**// Нет/ **йогины**// Нет/ **Яга***// (?).

Как видно из представленных примеров, мотивирующая база словообразовательных типов также расширяется за счёт имён собственных, а в случае форманта *-есс(а)* – за счёт зоонимов. Интересный случай представляет употребление окказионализма *Гвидониа*, который образуется в условиях выраженной языковой игры: имя собственное переходит в разряд имён нарицательных для обозначения определённого вида насекомого – комара, – о чём свидетельствует форма множественного числа, и далее приобретает гендерную маркированность.

Некоторые суффиксы употребляются детьми в несвойственном им значении: *Мама/ мой Ваня/ герой/ а я его **героиня***// (3 г.); *Мама/ а как зовут жену коlobка? **Колобушка**/ а их детей – коlobчат*// (3 г.); *Вот это кот/ значит самка..? – **Котиция**/ что ли?* (4 г.). Так, например, суффикс

-н(я) в языковом узусе употребляется для производства субстантивов, обозначающих: 1) действие по мотивирующему глаголу (ср.: *ворчн(я)*); 2) место совершения действия (ср.: *пашн(я)*); 3) группу лиц, названных мотивирующим субстантивом (ср.: *ребятн(я)*); 4) собирательные понятия, являющиеся объектом или результатом действия, выраженного мотивирующим глаголом (ср.: *рван(ь)*); 5) предмет по действию (ср.: *квашин(я)*); 6) место нахождения того, что выражено мотивирующей основой (ср.: *колокольн(я)*); 7) место производства того, что выражено мотивирующей основой (ср.: *бочарн(я)*) [7, с. 268–270]. Посредством формообразующего суффикса *-ушк(а)* выражается уменьшительно-лакскательное или уменьшительно-уничажительное значение (ср.: *речушк(а)*) [7, с. 494]. Суффикс *-ициј-* выступает в качестве форманта для производства субстантивов со значением процессуальности действия (ср.: *репетици(я)*) [7, с. 223].

Зафиксированы случаи производства детьми окказионализмов названной группы посредством суффиксов, отсутствующих в языковом узусе. Например, значение женскости может выражаться посредством окказиональных суффиксов *-овниц(а)*, *-ини(а)* *-ел(а)*: *Видела льва с его львовницей!* (4 г.) (ср.: *львица*) [4, с. 260]; *Ты/мама/кабан/бабушка/кабанинша/я кабанёнок!* (6 л., 5 м.) [4, с. 199]; *Папа/я маленький акулёнок/а ты большая акула! – А мама? – А мама акулела!* (?). Если первые два суффикса можно рассматривать в качестве окказиональных морфов узусальных морфем *-ниц(а)* и *-и(а)*, то последний формант характеризуется полной уникальностью и безэквивалентностью.

В отдельную группу также следует выделить окказиональные агентивы, характеризующие лиц женского пола по совершаемому действию (*Мама/а мы к шиллице идём?* (3 г.); *Мы с папой футболисты/потому что мы мужчины! А ты/мама/не футболиста! – А кто я? – Свистуха!* (3 г.) [4, с. 480]; *Мам/гляди/это девочка-падалыцица* (4 г.); *Ты/мама/перепутка и непомнилка!* (4 г., 6 м.); *Кто шьёт одежду? – Шьюха!* (5 л.) (ср.: *большуха*); *Я приказница! Слушайте меня все!* (5 л.) [4, с. 417]), присущему признаку (*Айнура молодец/она не жадница!* (3 г.)) либо отношению к некоторому объекту (*Мама/ты такая у меня победница!* (4 г.); *Вон семечница! Пойдём семечек купим!* (5 л., 10 м.) [4, с. 483]; *Мам/давай поцелуемся. Ой! Нет! Ты такая болотница!* (6 л.); *Ну/а корову доит у нас коровицица!* (9 л.)). В подобных случаях гендерная маркированность выступает в качестве сопутствующей характеристики, в то время как на первый план выступают иные обозначенные выше признаки. Также следует отметить, что перечисленные выше феминитивы не имеют коррелятов мужского рода в языковом узусе.

В числе гендерно маркированных окказионализмов особое место занимают новообразования с флексией *-а*¹⁾, которая прибавляется к субстантивной основе, обозначающей лицо мужского пола. Даная особенность отмечена нами в речи детей дошкольного возраста: *Что здесь за хулиган такой? – Я не хулиган/Я хулигана!* (3 г.); *Мама/носорога/а малыш/носорожек!* (4 г.); *Мы с папой футболисты/потому что мы мужчины! А ты/мама/не футболиста!* (3 г.) [4, с. 480]; *Ты будешь трубадур/а я трубадура!* (4 г.); *А я хочу стать математикой/как мама!* (5 л., 8 м.) [4, с. 270]. Выявлен также случай образования данным способом гендерно маркированного имени собственного как коррелята существующего в языке мужского имени: *Почему плачешь? Ты/что/девочка? – Да/девочка! – А как тебя зовут/девочка? – Олега!* (2 г., 6 м.).

Окказиональные новообразования со значением маскулинности характеризуют по большей части словотворчество детей дошкольного возраста и в зависимости от способа производства объединяются в две группы. Первую группу образуют дериваты, образованные суффиксальным способом (15 лексических единиц). При этом формантный ряд расширяется за счёт включения суффиксов, выражающих в нормативном языке несколько иную семантику:

-ник: *Ты/бабушка/корова/я телёнок/а деда/коровник!* (4 г.); *А муж кикиморы/кикиморник?* (4 г.); *Дворняжка/это девочка/а мальчик/наверное/дворняженик!* (5 л., 2 м.); *Вот скажи мне/если мама/чайка/то кто же тогда папа? Чайник/что ли?* (6 л.);

-ец: *У голубки есть муж голубец!* (4 г., 3 м.);

-чик: *Ишь/какой мадамчик нашёлся!* (6 л.);

-ист: *Это кто? Серый волк? – Нет/это акула! – А как называется акула-мальчик? – Акулист!* (?);

-ак: *Папа/если бабушка тебе тёща/то дедушка кто/тещак?* (?) [4, с. 537];

-ух: *Мышь женского рода/а мужского/наверное/мышух!* (7 л.) [4, с. 292];

-ук: *Лисица/это жена/а её муж/лисюк!* (3 г.) [4, с. 254]; *Сегодня играл с Олей в больницу! – Кем был/доктором или больным? – Оля была медсестра/а я медсеструк!* (5 л.);

¹⁾ См. «Современный русский литературный язык» (Современный русский литературный язык : учеб. пособие / Н. М. Шанский [и др.] ; под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд., перераб. – Л. : Просвещение, Ленинград. отд-ние, 1988. – С. 184).

-ун: *Большой пчелун*// (3 г.) (о шмеле) [4, с. 438];
 -ок: *Эх/ сова/ сова/ где же твой совок?* (3 г., 4 м.).

Суффиксы *-ак* и *-ец* могут употребляться в языковом узусе для выражения значения маскулинности. В качестве примеров приведём следующие соответствия: *дура – дурак, гусь – гусак, вдова – вдовец*. В свою очередь, форманты *-ник, -щик / -чик, -ист, -ух / -юх* называют лицо по роду деятельности относительно того, что выражено мотивирующей субстантивной основой (ср.: *печник, буфетчик, гитарист, конюх*) [7, с. 210, с. 297, с. 491, с. 513]. Суффикс *-ун* используется для образования агентивов либо зоонимов со значением характеристики по действию (ср.: *бегун, грызун, скакун*) [7, с. 485–486]. Формант *-ук* может выступать в качестве элемента для производства имени собственного лица, как правило, мужского пола, с уменьшительно-ласкательной или чисто ласкательной семантикой (ср.: *Мишук, Митюк, Гришук*) [7, с. 482]. Сема принадлежности к мужскому полу во всех описанных случаях является сопутствующей. В детском словотворчестве мы наблюдаем нейтрализацию нерелевантной, с точки зрения ребёнка, семы и актуализацию семы маскулинности.

Зафиксирован случай употребления узуального суффикса в прямо противоположном значении. Так, в русском языке формант *-их(а)*, как было отмечено ранее, выражает значение женскости (ср.: *портниха, повариха, зайчиха*). Однако в словотворчестве детей данная словообразовательная единица может быть использована для выражения значения принадлежности к мужскому полу: *Я котёнок/ ты кошка/ а папа кошиух*// (4 г., 10 м.) [4, с. 230]. В данном случае мы наблюдаем использование основы уже гендерно маркированного субстантива *кошка*, к которой прибавляется упомянутый выше суффикс для актуализации семы маскулинности.

Также возможно образование слов указанной категории при помощи окказиональных суффиксов. В качестве примера такой деривации выступает окказионализм *ежидзе* с компонентом *-идзе* для выражения значения принадлежности к мужскому полу.

Вторую группу окказиональных имён существительных составляют новообразования, созданные способом обратной деривации, которая заключается в отделении флексии *-а* или части основы мотивирующего субстантива вместе с флексией (78 % от общего количества дериватов со значением маскулинности).

Зафиксированы случаи отделения форманта *-к(а)*: *Я твоя сестрёнка/ а ты мой сестрён!* (3 г., 7 м.); *Вчера моему папе овчарку подарили// – А когда мой папа на границе служил/ у него тоже овчар был!* (4 г., 5 м.) [4, с. 334]; *Кто такой конькобежка? – Это тётя/ которая занимается конькобежным спортом// – Дядя/ конькобеж/ значит?* (6 л., 6 м.) [4, с. 223]; *Женищина/ русалка// Мужчина/ русал*// (?) [8, с. 32]; *Я сладкоежка// Мама/ сладкоега// Папа/ сладкоег*// (?) и др. Отделяться от основы могут также словообразовательные элементы *-очк(а), -уш(а)*: *Мама у меня ласточка/ папа/ ласт/ а я/ ластик*// (4 г., 5 м.); *Это рыба-девочка// А давайте в следующий раз рыбу горба купим*// (5 л., 8 м.) (о горбуше) [4, с. 105] и др. Как видно из представленных примеров, в основе обратной деривации может лежать неверное членение слова на словообразовательные элементы, что и приводит к сдвигу границ между морфемами. Так, например, суффикс *-очк(а)* в языковом узусе реализовывает уменьшительно-ласкательное значение [7, с. 363]. Суффикс *-уш(а)* выражает значение носителя определённого физиологического признака (ср.: *хромуша*) [7, с. 493]. В случае окказионализма *сестрён* мы наблюдаем отделение части суффикса *-ёнк-*, выражающего деминутивную семантику [7, с. 346].

Очень продуктивным для детского словотворчества является отделение флексии *-а* как носителя значения женскости. Больше всего подобных случаев обнаружено в речи детей дошкольного возраста (75 % от общего количества дериватов данного типа): *Лизочка/ ты такая красивая/ ну/ как принцесса! – А я тоже красивый/ как принцесс!* (2 г., 9 м.); *Я не черепаха/ я черепах*// [8, с. 31]; *Захар/ а кто тебе Оля? – Подруга// – А кто тебе Ярик? – Подруг*// (3 г.); *Мама/ ты моя девица и бабушка моя девица// А папа/ мой девиц*// (3 г.); *Даша/ кто живёт в замке? – Королева и королев*// (3 г.); *Жили-были старух со старухой*// (3 г.) [4, с. 516]; *Жадина/ ты жадина// – А ты/ Саша/ жадин*// (3 г., 3 м.) [4, с. 149]; *Нет/ папа не добрая душа/ он/ добрый душ*// (3 г., 5 м.); *Мама/ синичка// А папа кто? Синичк?* (3 г., 10 м.); *Мама/ ты бегаешь как кто? – Как антилопа// – А я тогда как антилоп*// (5 л.); *Деда/ ну ты и умниц!* (5 л., 6 м.) и др. Хотя в речи детей младшего и среднего школьного возраста также встречаются подобные дериваты: *Я робот-обезьян*// (6 л., 1 м.) [4, с. 327]; *А из пенька крыс вылез// Стал надуваться/ надуваться и превратился в кучера*// (6 л., 6 м.) [4, с. 239]; *Бык/ это такой коров*// (7 л.); *Во что мы будем играть? – Ты будешь Змей Горынычем/ Федя/ принцессом/ а я принцем*// (7 л.); *А ты кто будешь? – Свекровь// – А если отец? – Свекор*// – *А если у тебя дочь была? – Тёща// – А если отец/ тёщ?* (10 л.) [4, с. 537]; *Ого/ какой королев*// – *Может/ король? – Мама/ король/ это мужчина*// (11 л.) (о мужчине в образе Снежной королевы).

Последний пример вызывает особый интерес, поскольку мы можем проследить градацию маскулинности: *королев* как мужчина с женскими признаками и *король* как типичный мужчина.

Порой отделение флексии *-а* сопровождается фонетическими изменениями корневой морфемы: *Бабушка наша/ балда/ ключи забыла// А Ильюша/ **болд**//* (3 г., 6 м.) [4, с. 38]; *Если то жена/ то это **жии**//* (4 г.) (о муже) [4, с. 156]; *Ты/ мама/ жена папы// Папа/ твой **жень**//* (4 г.); *Есть такая птица **синец**// – Кто? – Ну/ **синец**// Как синичка/ только мальчик//* (4 г., 3 м.); *Раньше здесь была овца/ а теперь **овец**//* (6 л.) [4, с. 333].

Нами зафиксирован случай изменения формы субстантива категории *pluralia tantum* посредством перевода его в группу исчисляемых имён существительных женского рода с последующим отделением флексии *-а*: *Это папа **ножниц**/ это мама **ножница**//* (?). Этот пример ещё интересен и тем, что мы можем наблюдать распространение семейных отношений на неодушевлённые предметы, что составляет основу их олицетворения.

С целью формирования коррелятивных пар по принципу половой принадлежности отделяться могут части основ, которые не выражают гендерную маркированность. В основе данного процесса лежит незнание внутренней формы слова: *Вот мама/ лошадь/ вот её лошадинок/ а вот папа/ **лош**//* (2 г.). Ср.: лошадь восходит к древнерусскому слову *лоша*, к которому прибавилось окончание *-дь* (ср. др.-русск., цслав. *осльдь ѡвѣрѡс*) [9, с. 525–526].

Помимо аффиксации и обратной деривации, гендерно маркированные окказионализмы могут создаваться другими способами, которые значительно уступают указанным двум по степени продуктивности. Одним из таких способов является основосложение: *Мужчина/ который женился/ называется **женомуж**//* (3 г., 6 м.). В данном случае мы наблюдаем сочетание основ двух субстантивов, которые коррелируют по принципу семантической чистоты по полярному признаку – *жена* и *муж*. При этом вторая основа выступает в качестве основной, выражая референтную отнесённость номинативной единицы, в то время как первая основа выступает в качестве модификатора второго структурного компонента деривата.

Сложный окказионализм со значением маскулинности может быть также образован посредством структурно-семантического преобразования узуальной номинативной единицы. В качестве такого примера мы рассмотрим речевую ситуацию, в рамках которой происходит создание такого деривата. Приведём фрагмент разговора отца и дочери: (отец, стоя у зеркала и рассматривая своё отражение) *Не подстрижен/ не побрит// – Будешь/ как **Папа-яга**//* (2 г., 6 м.). Легко угадывается слово-прототип, которое выступило в качестве производящей основы новообразования. Сложное имя собственное *Баба-яга* называет сказочный персонаж женского пола, на что указывает гендерно маркированный элемент *баба*, выражающий значение феминности. Посредством замены данного элемента на семантически противоположный в гендерном аспекте дериват трансформируется структурно и семантически, поскольку меняется реферативная отнесённость, а значение феминности меняется на значение маскулинности. Проанализировав более широкий контекст, мы отмечаем употребление узуального прототипа в адресованной ребёнку речи. Когда дочь не хотела заплетаться, мать сказала: *Будешь тогда/ как **Баба-яга**//*. Следует отметить, что и узуальная единица, и образованный на её основе окказионализм обозначают лицо, характеризующееся неопрятным внешним видом. Зафиксирован также случай сочетания замены компонента узуального деривата и способа обратной деривации: *Мы три бабки-ёжки // Нет/ мы/ бабки-ёжки / и **дед-ёг**//* (3 г., 5 м.).

Гендерно маркированные окказионализмы могут создаваться посредством замены части корневой морфемы как результат ложной этимологии. Зафиксированы случаи ретимологизации слов, содержащих звуковые сочетания *ма* и *па*, которые ассоциируются в сознании ребёнка, чаще всего дошкольного возраста, с обоими родителями, поскольку они играют исключительно важную роль в его жизни. При этом наблюдается взаимозамена данных частей слов в зависимости от ситуации: *Я знаю/ у мамонтёнка мама/ мамонт/ а папа/ **папонт**!* (2–3 г.); *Мама/ если это пугас/ то это **мамуас**?* (4 г., 8 м.); *Смотри/ какая красивая пара попугаев// – Если это муж и жена/ значит они п[а]²пугай и **мамугай**//* (5 л.); *Что это за растение? – Папоротник// – Тогда это **маморотник**!* (7 л.) и др. Как видно из представленных примеров, парные отношения «мама – папа» могут распространяться как на животных, так и на неживые объекты.

Заключение

Образование детьми окказионализмов со значением феминности / маскулинности отражает важное направление их ранней социализации – усвоение гендерных отношений и ролей. Данные категории познаются в противопоставлении, и часто посредством окказионализма дети как бы

² Так передаётся произношение безударной буквы *о*.

восполняют языковую лакуну по причине отсутствия в узусе соответствующего наименования представителя противоположного пола (ср.: *чайка – чайник, ласточка – ласт, бегемот – бегемотица, бабка-ёжка – дед-ёж*).

Гендерно маркированные окказионализмы создаются, как правило, способами аффиксации и обратной деривации, реже – способами основосложения, рэтимологизации как результата переосмысления внутренней формы слова на основании звуковых ассоциаций (ср.: *мамонт – папонт*). При этом отмечается расширение производящей базы словообразовательных типов, а также использование окказиональных моделей, отсутствующих в языковом узусе. В детском окказиональном словотворчестве особое значение приобретает механизм аналогии, в том числе и при образовании гендерно маркированных дериватов (ср.: *свекровь – свёкор и тёща – тёщ*).

Следует отметить ключевую роль семейных отношений в познании гендерных ролей. Отмечается склонность детей «примерять» гендерные семейные роли не только на людей, но и на животных, и на неживые объекты, как правило, в рамках нереальной, вымышленной ситуации.

Среди гендерно маркированных окказионализмов, создаваемых детьми, обнаруживаются синонимы (ср.: *негретица – негрица – негорка, котиха – котица – котиция, Колобиха – Колобушка, коров – коровник* и др.), в том числе и объединенные единым контекстом (ср.: *Гулливерица, Гулливериха*). Некоторые из дериватов выступают в качестве омонимов существующих в языковом узусе лексических единиц (ср.: *удавка, водолазка, математика, баранка, коровник, чайник* и др.), в их числе также отличаются омоформы и омофоны (ср.: *коров* (ср.: коров – сущ., мн. ч., Р. п.), *баранесса* (ср.: бар[а]несса), *партниха* (ср.: п[а]ртниха), *акулист* (ср.: [а]кулист). Звуковые ассоциации могут лежать в основе образования данных окказионализмов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Клецина, И. С. Гендерная социализация : учеб. пособие / И. С. Клецина ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 92 с.
2. Градусова, Л. В. Гендерная педагогика : учеб. пособие / Л. В. Градусова. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 176 с.
3. Ковалевич, И. О. Полярная симметричность детского мышления и её отображение в окказиональном словотворчестве / И. О. Ковалевич // Мова і культура. – К. : Видавничий дім Дмитра Бурого, 2013. – Вип. 16. – Т. II (164). – С. 46–51.
4. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10000 слов : свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 637 с.
5. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 2 : Панцирь – Ящур. – 559 с.
6. Говорят дети. Словарь-справочник / С. Н. Цейтлин [и др.]. – 2-е изд., доп. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 175 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636 с.
8. Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Минск : Нар. асвета, 1984. – 319 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 2 : Е – Муж. – 1987. – 672 с.

Поступила в редакцию 11.03.2024

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

I. O. Kovalevich

GENDER-MARKED OCCASIONALISMS IN CHILDREN'S SPEECH

This article is devoted to the study of the peculiarities of children's expressing gender relations through occasional word creation. The formation of occasional correlates with the meaning of masculinity / femininity is considered as a particular manifestation of the tendency to express semantic pairing according to a feature of polarity. Structural-semantic and stylistic characteristics of gender-marked occasional substantives have been revealed. Psycholinguistic mechanisms of their production have been studied.

Keywords: children's speech, occasionalism, occasional word creation, gender marking, gender role, femininity, masculinity.